

у творчасці не займаўся тэатральнай гульнёй і не прымераў маскі, мы не сустрэнем у яго творчасці парада эмацыянальных суб'ектаў – аўтарскіх копій з розным эмацыянальным стаўленнем да адных і тых жа праблем, мы не заблытаемся ў вызначэнні сапраўднага «я» паэта і таго, які знаходзіцца на падмостках тэатру (напрыклад, лірычны персанаж ці Іншы як антаганіст). Яго цэльнае аўтарскае «я» можна разглядаць ў творчасці праз храналогію пасталення і набыццё мастацкага досведу, а ядро ці стрыжань гэтай ментальнай фігуры – Аўтара – вызначае сумленнасць, адкрытасць, шчырасць у размове з чытачом.

ЛІТАРАТУРА

1. Танк, М. Збор твораў : у 13 т. / М. Танк / НАН Беларусі, Ін-т літаратуры імя Я. Купалы. – Мінск : Беларус. навука, 2006–2012. – Т. 10 : Дзённікі (1960–1994). – 919 с.
2. Успенский, Б. А. Избранные труды. – Т. 2 : Язык и культура: Языковая полемика и культурные конфликты. Экспрессивная фразеология (семантика русской брани). Структура поэтического текста / Б. А. Успенский. – М. : Гнозис, 1994. – 688 с.

Камлевич Г. А. (Минск, Беларусь)

ФЕНОМЕН ПРЕЦЕДЕНТНОСТИ В ДИСКУРСЕ СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ И БЕЛОРУССКОЙ ФАНТАСТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

В современной лингвистике особое внимание уделяется специфике отражения в тексте национальной культурной традиции, в том числе и такому явлению, как прецедентность, которое широко представлено в художественном дискурсе, что определяет актуальность исследований в данном направлении (Д. Б. Гудков, М. Я. Дымарский, Е. А. Земская, Ю. Н. Караулов, В. Г. Костомаров, В. В. Красных, Н. А. Фатеева и др.).

Вслед за О. А. Ворожцовой и А. Б. Зайцевой под прецедентными феноменами мы понимаем «особую группу вербальных или вербализуемых феноменов, которые известны любому среднему представителю того или иного лингвокультурного сообщества» и входят в его когнитивную базу [2, с. 223]. Общность фоновых социальных, культурных или языковых знаний автора речи и реципиента составляет основу феномена прецедентности, который реализуется в собственно прецедентных текстах прецедентных высказываниях, прецедентных именах и прецедентных ситуациях [1], и этим указанные феномены взаимосвязаны: прецедентное имя или высказывание соотносится с прецедентным текстом или ситуацией.

В современной русской и белорусской фантастике с разной степенью распространенности представлены все указанные прецедентные феномены, что отражается и в произведениях А. Белянина и О. Громько.

Большинство прецедентных феноменов связано с использованием прецедентных имен, среди которых имена известных исторических личностей (Нерон, Карл и др.), писателей и поэтов (Булгаков, Шекспир и др.), литературных персонажей (Ромео, Хоттабыч и др.), богов (Один, Рагнарек и др.), прецедентные топонимы (Африка, Китай, Фонтанка, Финский залив и др.), геортонимы (День Пятижской коммуны и др.) и т.д. Встречаем лексему Бат'кович, которая используется в восточными славянами, когда отсутствует возможность точно назвать отчество: – *А нельзя спросить прямо у этого... Ар'актура Бат'ковича?* [3].

В художественном дискурсе А. Белянина и О. Громько находим трансформацию прецедентных имен: – Ну че, Ромео Йотунхеймского уезда, домой еще не собираешься? [1]; Семь или восемь нижекосутинцев с остекленевшими глазами внимали ледящей крови балладе о Шиване-царевиче и Здыхлике Неумиручем [3]; Будь по-ваше-

му, я – колдун. Готов даже взять себе цирковой псевдоним – Корней Бессмертный [1]; в последнем примере наблюдается контаминация двух прецедентных имен – Корней Чуковский и Кащей Бессмертный. О. Громько создает омонимы, которые явно соотносятся с прецедентными белорусскими именами (страна Белория, столица которой – город Стармин); символично для белорусов и то, что повелителя Догевы, «одного из последних беловолосых вампиров», зовут Лён.

Прецедентное имя используется в номинативной функции, отсылая к общеизвестным субъектам или указывая на соответствующие объекты: Русь-матушка издревле славилась своей лояльностью ко всякого рода нечисти. Достаточно вспомнить великолепный сборник «Киевские ведьмы», прозу Жуковского и Брюсова, поэзию Пушкина и Гумилева [1]. А Белянин использует имя реально существовавшего писателя, название его литературного произведения, так как это важно для главного героя-литератора: Короч, я совершенно поверил в то, что он и в самом деле настоящий... Мэлори – английский писатель XV века... Какие-то главы из «Смерти Артура» нам даже преподают в институте. На вас как на высокий авторитет ссылаются многие современные фантасты... [1].

Общеизвестное имя собственное в романе А. Белянина «Моя жена – ведьма» становится одним из средств исторической стилизации. Так, описание путешествия к викингам сопровождается онимами из скандинавской мифологии: Асгард (город богов), Один (верховный бог), Фрейя (богиня любви и красоты), Имир (первое живое существо, великан, из которого был создан мир), Фенрир (огромный волк) и др.: – *Но он читал стихи, клянусь Имиром!* [1]; Из ее незатейливой болтовни я понял, что Фрейя – богиня любви и красоты у суровых викингов [1].

В художественном дискурсе прецедентное имя может использоваться в аксиологической функции, выступая в качестве определенного эталона. Главным героем романа А. Белянина «Моя жена – ведьма» является поэт, в связи с чем оценивает мир с литературно-художественной точки зрения, чему способствуют прецедентные имена собственные: Моя жена – ведьма, это целая отдельная повесть, полная шекспировской глубины и чеховского трагизма [1]; Этот неугомный ниспровергатель Бродского и здесь пытается колдовать [1].

Таким образом, использование прецедентных имен увеличивает прагматический потенциал художественного текста благодаря особой экспрессивности, актуализации дополнительных смыслов, наличию «культурологических маркеров».

Среди прецедентных текстов, к которым чаще всего обращается А. Белянин, встречаем русские народные сказки и религиозные тексты, что связано с развитием сказочного сюжета и с наличием специфических персонажей (ангела и черта): В русских народных сказках они [царевичи] обычно кручинятся, вешая буйну голову ниже плеч, да еще вечно плачут горячими слезами. В это время, умиляясь зрелищу распутшивого нюни здорового мужика, на них успешно трудятся разные Серые Волки, Василысы Прекрасные, Трое из ларца и еще с десяток сострадательных умельцев [1]; *Он ее муж, а как сказано в Писании: «Жена да спасется мужем своим...»* [1].

К фольклорному материалу отправляет читателя и фраза, сказанная героиней романа О. Громько: Вороны ассоциировались у меня прежде всего с неубранными полями сражений, а сами вороны использовали оные как скатерть-самобранку [3].

Для произведений О. Громько характерным оказывается использование вымышленных текстов, которые подаются как прецедентные: «Краткий сборник ругательства», энциклопедия «Нежить», праздник Бабожник и др. Автор приводит тексты, которые подаются как общеизвестные заговоры: Сотни «бормоталок» типа: «Я пойду, пойду в поле, сорву польну, польну горькую, заварю зелье, зелье терпкое, помешаю ложкой, ложкой дубовую... и т.д. и т.п.» [3].

Стихи главного героя романа А. Белянина «Моя жена – ведьма» тоже становятся прецедентным текстом в рамках произведения: – Хорошо, давай устроим маленький творческий вечер известного петербургского поэта Сергея Гнедина. То есть меня! Начнем, я думаю, с исторических стихов. О гусарах не будем ... а вот «Варвары» [1]; В порядке боевого эксперимента я еще раз прочел «Длинноногую недотрогу» [1].

Встречаем использование и не литературного прецедентного текста: С двенадцати лет я мечтала о красивом, сильном, благородном рыцаре, способном уложить моих обидчиков в аккуратный штабель [3] – в данном примере есть отсылка к фильму «Девчата», одна из героинь которого говорила: «Я иду, а парни все падают и сами в штабеля укладываются...».

Прецедентные ситуации, представленные в произведениях А. Белянина, во многих случаях связаны со сказкой: Сам царевич проявляет себя либо в бездарной краже тщательной охраняемой Жар-птицы, либо в суровом поединке с Кашеим Бессмертным [1]; Мне совсем не улыбается отождествлять себя с недалеким Иваном-царевичем, поспешно спалившим лягушачью шкурку в русской печи [1]. Главный герой сжигает несколько волосков волчьей шерсти, которые застряли в волосах жены; Фармазон сжигает перышко, вырванное из крыла ангела; герои, подвергшиеся данному действию, исчезают.

Когда персонажи попадают во времена инквизиции, это подчеркивается общеизвестными фактами: Недаром святая инквизиция во все времена предпочитала костер топору и веревке [1]; – Все! Дальше можешь не говорить... костер тебе обеспечен! [1]. Российская действительность эпохи крепостного права опознается по следующим приметам: В лучшем случае он меня пошлет... далеко и надолго. В худшем может прогнать собаками, застрелить в гневе, приказать запороть на конюшне, сдать в уездный полицейский участок... [1].

В романе О. Громыко встречаем прецедентную ситуацию – борьбу с нечистой силой посредством чеснока и серебряного креста. «Бесстрашные старушки» на лавочке обсуждают новости, что представляет ряд прецедентных ситуаций: Толковый был парень... Бывалочка идет по улице – со всеми здороваются, раскланивается, ручку норовит облобызывать. Ну, поднесешь ему, сердешному, чарку первача али рассолу... [3]. Прецедентные ситуации проявляются и в следующих примерах: Оставалось лишь раздобыть тринадцать камней да изловить молоденькую девственницу для жертвоприношения (на худой конец заменить ее курицей) [3]; Была пышная церемония погребения – с уймой гостей, речей, еды, венков и жертвоприношений, все как положено [3]; Отложив перо и разминая пальцы, я погрузилась в сладостные мечты о славе, которая, конечно же, придет ко мне после защиты и опубликования пухлого труда. Меня будут узнавать на улицах. Меня будут цитировать наизусть. Меня будут приглашать на международные и межрасовые конференции, а я – отнекиваясь с самоуверенным взглядом [3].

К числу собственно прецедентных высказываний относятся цитаты из текстов различного характера: Многим ли мужчинам досталась такая замужняя женщина, как Маргарита? Кто хотя бы раз не мечтал втайне коснуться губами ее колена и услышать: «Королева в восхищении...» [1]; Как говорила Шарлотта Эмми: «Не буду думать об этом сегодня, подумаю об этом завтра» [1]. Встречаем устойчивые выражения, устанавливающие определенные ассоциативные связи: тридевятое царство, молодильные яблоки, красна девица, герои невидимого фронта, неисповедимы пути Господни и др.

Таким образом, в современной русской и белорусской фантастической литературе источником прецедентности становятся фольклорные тексты, художественная литература, религия, что связано с литературным жанром и специфическими сюжетными

линиями. Прецедентные феномены (имена, тексты, выражения, ситуации), которые используются в оригинальном или трансформированном виде, отражают национально-культурные традиции, фиксируют оценку и специфику восприятия реальной действительности, становятся основой метафорических ассоциаций.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белянин, А. Моя жена – ведьма [Электронный ресурс] / А. Белянин. – Режим доступа: <http://knjky.ru/books/moya-zhena-vedma>. – Дата доступа: 02.08.2018.
2. Ворожцова, О. А. Прецедентные имена в российской и американской печати / О. А. Ворожцова, А. Б. Зайцева // Известия Уральского гос. ун-та. – 2006. – № 45. – С. 222–229.
3. Громыко, О. Профессия: ведьма [Электронный ресурс] / О. Громыко. – Режим доступа: <https://www.litmir.me/zh/?b=33129>. – Дата доступа: 29.07.2018.

Кожмяченко Е. В. (Минск, Беларусь)

КОММУНИКАТИВНАЯ РОЛЬ МЕЖДОМЕТИЙ В ОБУЧЕНИИ КИНОСТУДЕНТОВ РУССКОМУ ЯЗЫКУ

Надо признать, что образовательный процесс для иностранных студентов более сложен из-за трудностей в языковом отношении. Следовательно, без успешного овладения коммуникативными компетенциями в процессе обучения невозможен успешный процесс обучения и формирование настоящего профессионала, отвечающего требованиям современного рынка труда.

Междометие, являясь вербальным средством выражения «внутреннего мира» человека, представляет собой языковую универсалию и представлено во всех языках мира. В то время как вербальная реализация «внутреннего мира» – глубоко национальна, каждый национальный язык обладает собственным набором языковых знаков. При этом, как отмечает другой современный исследователь, «...на статус междометий претендуют очень разнородные группы языковых единиц – эмоциональные и побудительные реплики, звукоподражательные слова, единицы речевого этикета, реактивные реплики диалога, прагматические маркеры и т.д.» [2, с. 176]

Русский язык славится своей эмоциональностью и проявлением широкого спектра чувств. Помогают выражать различные чувства и эмоции междометия – лексико-грамматический класс неизменяемых слов и словосочетаний. Наиболее оптимальным методом обучения студентов междометию, безусловно, является коммуникативный. Главное направление этого метода – общение. На занятиях иностранные студенты могут свободно выражать свои мысли, используя известные им грамматические правила. Все объяснения происходят с помощью уже знакомых слов и конструкций, для пояснения также используется мимика, жесты, аудиозаписи, любой наглядный материал – видеоролики, репродукции, фотографии.

На освоение междометия отводится небольшое количество часов. Преподаватели ограничиваются комментариями по поводу значения того или иного междометия, встретившегося в тексте. Системное изучение может иметь место при изучении языка на продвинутом этапе. Такие занятия необходимо проводить на базе диалогов и монологов, содержащих много примеров междометий. В современной методике диалог рассматривается как основа сотрудничества и взаимодействия двух сторон в акте речевого общения в процессе совместной деятельности. Особенность диалога в том, что почти одновременно происходят несколько сложных процессов: восприятие речи, внутреннее проговаривание слышимого и внутреннее планирование ответа. Определенную сложность представляют и такие особенности диалога, как спонтанность